

УДК 821.161.1.09 «1917/1991»

ББК 83.3 (2=Рус)6

З 17

Зайцева М. С.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела, рекламы и медиатехнологий факультета журналистики Кубанского государственного университета, e-mail: kubgu@inbox.ru

Художественная концепция личности в повести

Вацлава Михальского «Катенька»

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается художественная концепция личности в повести В. Михальского «Катенька» через анализ категорий «время-вечность», «социальное время», «дом», «семья», «любовь», оппозиции «обыкновенный-необыкновенный человек». Отмечается, что ведущим типом личности, выражающим авторский идеал, является соборный тип, воплощенный в образе Катеньки. Установлено, что формально не принадлежа к «деревенской прозе», В. Михальский в 60-е годы XX века утверждает идеалы, созвучные ей, и продолжает традиции русской классики.

Ключевые слова:

Художественная концепция личности, типы личности, время-вечность, социальное время, христианская любовь, традиции, духовно-нравственные ценности.

Zaytseva M.S.

Candidate of Philology, Associate Professor of Publishing, Advertising and Media Technology Department of Faculty of Journalism, Kuban State University, e-mail: kubgu@inbox.ru

The art concept of the personality in Václav Mikhalsky's story «Katenka»

Abstract:

The paper explores the art concept of the personality in V. Mikhalsky's story «Katenka» through the analysis of the categories of «time eternity», «social time», «house», «family», «love» and oppositions «the ordinary-unusual person». The leading type of the personality expressing the author's ideal is noted to be the cathedral type embodied in an image of Katenka. It is established that formally not belonging to «rural prose», V. Mikhalsky, in the 1960s, approves ideals, consonant to it, and carries on traditions of the Russian classics.

Keywords:

Art concept of the personality, types of the personality, time eternity, social time, Christian love, traditions, spiritual and moral values.

«Старые помнят себя молодыми, а Так и течет жизнь, словно между двумя молодые не представляют себя старыми. берегами, вперед, вперед: от новой моло-

дости – к новой старости и опять – к вечной молодости». Так с первых слов повести Вацлава Михальского «Катенька» определяются границы происходящего: «современность – вечность». В этих же строках определяется особенность композиции произведения: от старости главного героя к молодости, затем опять к старости, и снова к молодости – но уже нового поколения. Временные рамки расширяются и с помощью художественных деталей: каменная лестница, которую, как утверждали старожилы, построили по приказу Петра I, вековые вязы в городском саду, заложенном императрицей Елизаветой Петровной...

Контрастирует с этим «вечным» фоном беспмятство молодых, для которых нет исторического контекста жизни: и сад, и каменная лестница – «просто место свидания». Однако чувства главных героев Вацлав Михальский изображает с позиции вечности, что делает всегда любой большой художник. Так о молчании влюбленных сказано: «древнее и красноречивое, как сама земля, как небо и солнце, как воздух и дождь». Символично, что и в речи юноши Григория возникает слово «вечность»: «Я уезжаю на вечность».

Мостом между современностью и вечностью в повести «Катенька» является прежде всего любовь. Даром любви обладают многие герои произведения. Уже то, как Михальский изображает это чувство в повести и в своем творчестве вообще, позволяет говорить о нем как о мастере с большой буквы, как о писателе первого ряда русской литературы XX века.

Образ девочки реалистичен, почти осязаем и складывается из описания состояний, характерных для ребенка: «выпала Катенька одним духом и запрыгала», «вспыхнув румянцем», «у Катеньки смеялись глаза, и губы, и ямочки на щеках, и даже веселые завитушки темно-золотых волос»... Восторженно-детское чистое отношение героини к жизни и к людям, так тонко, художественно совер-

шенно переданное писателем, получает развитие в ее взаимоотношениях с окружающими. И здесь Катенька предстает уже не ребенком, а «щедрой маленькой женщиной», готовой на все, чтобы облегчить страдания людей.

Уже шестиклассница, Катенька отличается тонким чувствованием движений души человека. Прыгая на скакалке и увлеченно рассказывая о своих детских хлопотах Грише, она безошибочно определяет: «Ах, вам не до меня». И здесь не обида, а именно – понимание. Девочка не просто видит озабоченность Григория, но знает ее причины. Чуткость к чужим переживаниям – редкое качество для многих взрослых.

Желание помогать людям – смысл жизни Катеньки. Она часто заходила к Григорию в госпиталь, не понимая, что «гонит ее туда безотчетное стремление, надежда – вдруг она сможет облегчить чьи-то страдания». Героиня счастлива, отдавая всю себя без остатка. Сила любви к людям так велика, что девочку слушаются и Гриша, и «толстый шеф-повар», которого боялись врачи, и больные... Всех она целует или нежно, ласково гладит по голове, по щеке. И от ее прикосновений тают самые ожесточенные сердца. А обреченный больной Сережа даже сравнивает ее со своей матерью – высшая похвала для любого человека. В другом же месте повести указывается: сказала она «постарушечьи серьезно». Так, все лучшее женщин всех возрастов (детская чистота, девичья нежность, материнская забота и ласка, старушечий опыт и мудрость) соединилось и нашло воплощение в тоненькой, хрупкой девочке-девушке.

Другое состояние, характеризующее Катеньку, – это состояние гнева. Таких моментов немного: ссора с мальчишками («они жилили, терпеть не могу жил!»), неприятие Евгения Евгеньевича («Ненавижу хвастунов!»), растерянность Евгения Евгеньевича и Дарочки при приближении жандармов («С удовольствием, со злым удовольствием, от-

метила, как побледнели они оба и как потерянно поглядела на нее Дарочка»). Ее гнев направлен против человеческих пороков: лжи, гордыни, трусости... В истоках ее критически-негативных чувств и мыслей лежит, несомненно, та «положительная любовь», которая, по словам Ивана Ильина, «дает человеку право на критику», и только тогда «эта критика становится оправданной, творческой и созидательной. Критика без любви и без понимания есть критиканство и зависть» [1].

Завистливым «критиканом» предстает перед нами Евгений Евгеньевич, уводящий невесту у своего спасителя, опорочивший человека, которому обязан жизнью. Гнев же Катеньки всегда справедлив, созидателен, праведен. В нем нет разрушительного начала, он никогда не влечет расплаты для согрешившего. Девочка полностью растворяется в порыве спасти Евгения Евгеньевича, которого, по ее признанию, ненавидит: «Что будет с ним? Боже мой!». И в этом порыве Катенька чудом не погибает. Героиня последовательна в стремлении спасать, помогать, не уклоняясь от своего предназначения ни на секунду. Все нуждающиеся для нее равны.

«Скрытая и открытая оппозиция “обыкновенный – необыкновенный”», не раз возникающая в повести, снимается традиционно для русской литературы: необыкновенный – то есть духовно значимый человек – есть личность, наделённая даром деятельной христианской любви. И таким даром наделены в первую очередь главные герои произведения», – справедливо пишет Юрий Павлов [2] (Нужно отметить, что Ю.М. Павлов – автор многочисленных работ о художественной концепции личности в творчестве отечественных писателей XX-XXI вв. [3]). «Обыкновенной» считает себя Катенька. О Грише Маркове говорится: «Он был обыкновенный участковый врач без титулов, без званий, но его знал весь город». И в этой «обыкновенности» – глубинный смысл. Наиболее показательны слова Катеньки о

Дарочке: «Раньше она была обыкновенная, как вы, как я, а теперь?». «Обыкновенный» в повести Вацлава Михальского значит духовно и нравственно чистый, светлый, искренний и бескорыстный, любящий жизнь и людей. «Необыкновенный» – желающий выделиться, самоутвердиться через осознание своего превосходства над другими. «Необыкновенные» в произведении Митя, Евгений Евгеньевич.

Образу Катеньки в произведении Вацлава Михальского созвучен образ главного героя Гриши Маркова. События повести разворачиваются в революционную эпоху отечественной истории. Однако Гриша Марков показан как личность практически внеисторическая. Он не рассуждает на общественно-политические темы. Истоком всех душевных порывов и трудов героя является любовь к ближнему. В смысле безгрешности, духовной чистоты он близок Катеньке – вечному ребенку.

Григорий Марков раскрывается через любовь к своей семье, к Дарочке и к ее семье, через отношение к своим пациентам... Гриша последователен в любви. Этим качеством он сразу выделяется из молодой компании, где «все были влюблены друг в друга. Влюблены, но любил только один...». Есть смысл привести и другие авторские характеристики уже Григория Васильевича Маркова, большая часть жизнь которого прожита. Эти характеристики дают представление о нем, как о человеке долга, чести. У него высокие духовно-нравственные начала естественно реализуются в профессиональной, врачебной деятельности: «Время не сделало его равнодушным к чужим страданиям. Помочь человеку преодолеть недуг – давно стало для него смыслом жизни»; «всякий обман был чужд его натуре»; «Делать кое-как, создавать видимость труда он не умел и презирал это умение в других».

Молодость Григория изображена В. Михальским психологически тонко, ласково, чутко, с библейско-мудрой грустью: «Они стояли рядом, чистые и ра-

достные, как весенняя капель». В изображении этих счастливых дней жизни Григория преобладают синий и золотой цвета (как символы молодости, чистоты, счастья, которое бывает бездумным и полным только в юности): «синее небо в первых крупных звездах», «аромат отпаровавшей земли с мягкими дорожками, протоптанными в синеватой грязи», «синяя студенческая форма» и Дарочкина коса, которая, распускаясь, «билась за спиной золотым покрывалом».

Еще один из ключевых образов-символов повести – это сирень. Чувствовать красоту окружающего мира (природы) у Михальского – дар небес, проявление поэтически тонкой природы Григория. Сирень в романе больше, чем красивый цветок. Гриша испытывал «жгучее горе», когда узнавал, что ночью кто-то обломал в их саду куст сирени. Сирень ассоциируется с весной, а значит – с началом жизни. Сирень – символ молодости, первой любви, но и символ разлуки. Английская пословица говорит, что тот, кто носит сирень, никогда не будет носить венчальное кольцо. На Востоке сирень – символ расставания. Все эти символические значения реализованы в судьбе героев повести.

Другой символ любви Дарочки и Гриши – качели. Они в повести символизируют детство – возрастной рубеж, который пересекают главные герои, мимолетность счастья Григория и Дарочки, душевные метания Дарочки. Влюбленные – органичная часть волшебного мира, где «подмигивают» звезды и «пахнет прелью, прибитой дождем хлебной пылью». И в этом мире отдать жизнь за любимую «легко, радостно и просто».

Однако после двухлетней разлуки героев и мир изменился, и они сами. Взросление героя, бесповоротное расставание с детством (как состоянием особой духовной чистоты, гармонии с миром и природой) передается через описание привокзальной площади, которая уже не кажется Грише необыкновенной, недостижае-

мой: «Какая она, оказывается, маленькая, грязная, сколько на ней пьяных и безногих. Какие-то толстые, растрепанные женщины, сидя прямо на земле, бойко торгуют жареной рыбой...». Именно такой грузной, растрепанной, седой, жарящей лук, предстанет перед Григорием Дарочка после разлуки длиною в жизнь. Молодому герою не вообразить такой свою девушку («молодые не представляют себя старыми»). Не представить ему и перемены, уже произошедшей в его возлюбленной. «Как папа умер, она стала ужасной гордячкой», – говорит о Дарочке Катенька и уточняет: «А мама говорит, что гордыня – большое зло, что гордые всегда несчастные...».

Вышеприведенная картина города, в котором даже дома «стали меньше, будто бы их врыли в землю», символизирует и жизнь без любви, в которой человек безмерно одинок («пошел одиноко среди говорливой толпы»). Любящие же сердца видят другой город – город «соборный», в нем все связаны невидимыми нитями, в нем все – части целого: «Стояли последние дни апреля, пасха в этом году выпала поздняя, к ее приходу готовились особенно тщательно. Земля давно отпаровала, разрывая землю острием своих стеблей, лезла зеленая тугая трава. В домах суетливо выставляли вторые рамы. Женщины мыли стекла, потом белили их мелом и, подождя, пока они высохнут, протирали бумагой. Стекла становились прозрачными, как воздух, и солнце яростно играло в них ослепляющим блеском. Казалось, весь город приступил к генеральной уборке...». Общему настроению поддалась и Дарочка, усмирив на время свою гордыню, и словно стала прежней: «Всю ночь просидели они, обнявшись на скамейке у дома, у шелестящих кустов сирени, всю ночь они говорили о предстоящей свадьбе, слушали, как хозяйничает в уснувшем городе весна». В картинах свиданий влюбленных сила глубокого чувства вдыхает жизнь во все вокруг, и даже степь «дохнула на них полынью».

Отношения молодых разворачиваются в контексте родовых, семейных отношений большой православной русской семьи начала XX века. И в семье Маловых, и в семье Марковых много детей. Образы матерей – «маленькой и худенькой» Марковой и Маловой, которая после всех потерь «превратилась от горя в маленькую согнутую старушку» – написаны с таким трепетом, с такой любовью, которую трудно передать словами. Возможно, поэтому им уделено так мало места в художественном пространстве повести. Главное в этих образах – безграничная любовь к детям. Атмосфера тепла, любви, заботы друг о друге, взаимопонимания царит в традиционном, патриархальном Доме, которым любитесь Михальский и который, думаю, является его идеалом «малой вселенной». В этой «вселенной» каждый герой чувствует себя частью единого организма: «Гриша был женихом ее старшей сестры – его любовь к Дарочке, по твердому убеждению Катеньки, должна была вмещать нежные чувства и к ним, младшим братьям и сестрам». (То, как Вацлав Михальский описывает семейные отношения, какое место писатель отводит семейным традициям в духовно-нравственном мире личности, как раскрывает духовно-душевные метания Дарочки, созвучно художественной концепции личности в «Белой гвардии» М. Булгакова. Об этом – в статье «Белая гвардия» М. Булгакова: судьба семьи в эпоху перемен» [4]).

В художественном мире Михальского людьми, сопричастными всему происходящему с главными героями, являются и соседи. Наиболее показательны в этом плане сцена отъезда Гриши (семейная драма разворачивается на глазах соседей) и его возвращение, когда сразу пять человек, по словам Катеньки, сообщают Дарочке о приезде жениха, а мать и отец, предупрежденные «догадливыми мальчишками», встречают долгожданного сына на улице. Любопытные же сосе-

ди не отпускают только что прибывшего с фронта Гришу до самого вечера, донимая расспросами. И Гриша не прогоняет их, хотя все мысли его – с Дарочкой. Так Михальский без идеологических штампов еще в середине 60-х годов создает тот образ «России, которую мы потеряли».

Григорий Марков – обычный, типичный представитель этой России – ровесник и коллега Алексея Турбина, Юрия Живаго. В отличие от ищущих, мечущихся героев М. Булгакова, Б. Пастернака, находящихся на духовно-нравственном, идейном распутье, Марков статичен, неизменен. Вторжение политики в его жизнь и в жизнь вышеназванных героев оказалось «вихрем враждебным» (как пели в молодой компании, оглядываясь, «с особенным чувством»), роковым, отнявшим любимую женщину. Первая мировая война принесла разлуку Григорию с родными и Дарочкой на два года, «дух» революции развел его с единственно любимой на всю жизнь.

Как мы знаем, любая революционная идея – атеистическая, богоборческая по своей сути. О религиозных взглядах Григория в повести сказано очень скупо. Со слов Катеньки мы знаем, что в Бога он не верует. Правда, в самые горячие минуты любви в Григории берет верх не физическое влечение, а духовно-нравственные чувства, христианские по своей сути, и в его голове единственный раз в повести возникает мысль о Боге. Григорий не смог поцеловать свою возлюбленную, объясняя это так: «Пока она не будет моей официальной невестой перед Богом и перед людьми, я не прикоснусь к ней пальцем». Эти чувства, мысли героя, как и все его поведение, позволяют говорить о нем как о личности, интуитивно руководствовавшейся на протяжении всей жизни заветами Христа.

Думаю, не противоречит сказанному эпизод из его «революционной молодости». О нем в повести сказано, что на сторону красных главный герой перешел «с первых дней революции»: «Просто иначе он не мог, это вышло как-то

само собой, потому что это была та суть, благодаря которой его жизнь приобрела смысл» (приобрела смысл после того, как герой лишился Дарочки). Вот и все, что мы знаем об убеждениях героя.

Это оригинальное, нетрадиционное решение проблемы человек и революция, не характерное для романов, в которых описываются события начала XX века: «Тихий Дон» М. Шолохова, «Белая гвардия» М. Булгакова, «От Двуглавого Орла к красному знамени» П. Краснова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака... Парадоксально: в произведении, где события происходят в предреволюционные и революционные годы, тема революции, оценка исторических событий отсутствует совсем. Разве что она дается косвенно, через образы Дмитрия Малова, возглавлявшего большевистскую подпольную организацию, и Евгения Евгеньевича.

Эти герои характеризуются Михальским через вполне определенные речи и манеру поведения. Так, Митя резок в суждениях, что «коробило деликатного Гришу»: «Манера разговаривать с людьми была у Мити какая-то обидная – он всегда высмеивал своего собеседника». Грех гордыни поражает душу Мити и его сестры Дарочки, что верно подмечает Катенька-подросток. Другой своей стороной этот грех проявляется через действия героя. После смерти кормильца в семье Маловых опорой матери десяти детей становится не старший мужчина Митя, а Дарочка. Более того, пряча у себя в доме «политического», он ставит под удар всех близких. Члены семьи Маловых ни на минуту не задумываются об угрожающей опасности, все они готовы разделить судьбу горячо любимого ими брата

и сына, не принимая его идей. Митя этим эгоистично пользуется, увлекая своими идеями Дарочку, лишая опоры семью, практически отдает ее женатому мужчине. Другая сестра, Катенька, едва не погибает, спасая «героя» Евгения Евгеньевича. Митя обманывает Григория, расчетливо использует его чувство к Дарочке, не задумываясь о том, что разрушает жизни молодых, и после всего цинично называет его «братом».

Итак, революционные идеи и события, по Михальскому, по-разному деформируют духовно-нравственный мир отдельного человека и семьи в целом, по сути, уничтожают ее. И в этом В. Михальский в очередной раз противоречит канонам социалистического реализма, и в этом он созвучен творчеству таких разных писателей, как Иван Шмелев, Михаил Шолохов, Петр Краснов, Владимир Максимов, Василий Белов, Леонид Бородин.

Любовь Катеньки – целительная, жалеющая. И в этом смысле Катенька как соборный тип личности – новое явление в русской литературе второй половины XX века. Впервые данный тип представлен не женщиной-матерью, а ребенком. Таким образом, духовно-нравственным центром повести В. Михальского являются не идеологически окрашенные герои, что преобладало в произведениях многих современников писателя, а девочка-девushка, смыслом жизни которой была христианская любовь. Она, как и ее ранние предшественники, думаю, могла сказать: «Бог есть любовь». То есть, формально не принадлежа к «деревенской прозе», Вацлав Михальский в 60-е годы XX века утверждает идеалы, созвучные ей, и продолжает традиции русской классики.

Примечания:

1. Ильин И. О русской культуре // Ильин И. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6, кн. II. М., 1996. С. 374.
2. Павлов Ю.М. «Незамеченный» классик // День литературы. 2013. № 7.
3. Павлов Ю.М. Художественная концепция личности в повести Л. Бородина «Третья правда» // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 4. С. 58-59.

4. Зайцева М.С. «Белая гвардия» М. Булгакова: судьба семьи в эпоху перемен // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 1. – С. 110-111.

References:

1. Ilyin I. On the Russian culture // Ilyin I. Coll. of works: in 10 v. V. 6, Book II. M., 1996. P. 374.
2. Pavlov Yu.M. An «unnoticed» classic // The day of literature. 2013. No. 7.
3. Pavlov Yu.M. The literary concept of a person in L. Borodin's story «The Third Truth» // The cultural life of the South of Russia. 2010. No. 4. P. 58-59.
4. Zaytseva M.S. «The White Guard» of M. Bulgakov: destiny of a family during an era of changes // The cultural life of the South of Russia. 2010. No. 1. P. 110-111.